

Продолжение. Начало в №2 (116)

Александр Назаренко (Сан-Франциско)

По волнам моей памяти...

Во время иностранных круизов все переходы от порта к порту проходили в ночное время, а стоянки в порту — в дневное. Советские турфирмы в то время не имели опыта организации сервиса. Поэтому развлекательную часть на борту мы взяли на себя. И, ни секунды не сомневаясь, пригласили для выступлений Жванецкого, Карцева и Ильченко. Артистам были выделены три каюты — полулюкса, столик в ресторане 1 класса, бесплатное питание и предоставлена возможность брать с собой семью. А юмористы обязались давать по два получасовых выступления в музыкальном салоне каждый рейс. Я делал все, чтобы пробить нашим героям минимальную зарплату, но все было тщетно. Но они были согласны. Важнее денег была возможность выступать перед зрителями и совершенствовать свое мастерство. Много было «подводных камней». Помполит вначале было хотел визировать все тексты актеров. С трудом удалось не учинять артистам никакой цензуры.

В первом же рейсе я обнаружил, что «сарафанное радио» опережает движение судна. В Батуми на борт пришли мои друзья с просьбой отпустить артистов встретиться с почитателями их таланта в зале Мореходного училища. А за ценой они не постоят.

По приходу в Одессу я с удивлением обнаружил, что достать билеты на круиз в кассах Морскагентства невозможно. Когда во второй приход я хотел взять в кассе билет для любимого преподавателя ОВИМУ Германа Григорьевича Ермолаева, кассирша только рассмеялась: все билеты на летние круизы были проданы: «Если кто откажется, вам дадут радиопрограмму». Начальник управления пассажирского флота ЧМП Владислав Петухов, к которому я пошел жаловаться с возмущением, заявил: «Они продали даже мою бронь на два полулюкса!! Это ты виноват! Как к тебе на судно в Геную прилетела Нани Брегвадзе со своим концертмейстером Гонглиашвили? Как в твоём музыкальном салоне появилось электропианино «Ямаха»? Где ты взял портативный печатный станок, на котором прилетавший к тебе журналист из Москвы выпустил четыре номера газеты на итальянском языке? И с чего бы это знаменитый Коба Гурули, великий

чеканщик, подарил теплоходу «Шота Руставели» четыре панно, выполненных по способу древних грузинских мастеров?»

Круизы того лета были на «ура». Миша Жванецкий с друзьями успевал не только выступать перед зрителями, но и плодотворно работать над новыми литературными произведениями. Его полная юмора и здравого смысла «Холера в Одессе» была им написана как раз на борту т/х «Шота Руставели» в тот период, когда на весь период изоляции мы превратились в плавучий инкубатор. Жванецкий наблюдал, анализировал и описывал происходящее с людьми в период всеобщей опасности. К большому моему сожалению, в первом изданном сборнике «Холера» была подвергнута безжалостной цензуре, после которой часть гениального текста сатирика исчезла.

Прошло более 50 лет, но помню, как проходили эти «героические» круизы в разгар холеры в Одессе. Приехавшие в то лето 70-го позагорать в лучах одесского солнца, поплескаться в волнах Черного моря туристы оказались запертыми на карантин. Прорваться через заставы одесского гарнизона, плотным кольцом опоясавшего город, было невозможно. И вдруг — на тебе! — 10-дневная прогулка на лайнере, обслуживающем иностранных туристов. На борту — 820 пассажиров, по количеству коек и мест в спасательных шлюпках. Брать родственников артистам тогда категорически запрещалось. Центром притяжения участников морской прогулки стали бар «Пиромани» и музыкальный салон. В музыкальном салоне блистали Жванецкий, Карцев и Ильченко, не ограничиваясь установленным

временем. После выступлений было время танцев.

Обычно в баре гости окунались в хоралы церковного пения 8-го века, записи которых прислала нам Виктория Мджаванадзе, жена первого секретаря Грузинской компартии. Кстати, чеканка, украшавшая салон лайнера, была делом рук студентов батумского художественного училища. Один из членов экипажа, бывший реставратор, добавил сусального золота и красного кадмия, и зал стали именовать салоном царицы Тамары. Я вспоминаю этих ребят, настоящих джигитов, которых я пытался отблагодарить за работу. А в ответ: «Батонэ капитан, для нас награда, что о нашей древней культуре узнают в мире».

Но в этот карантинный круиз все было по-другому. В первый же вечер пассажиры принесли с собой портативные магнитофоны, и полилась совсем другая музыка. Преобладал одесский шансон. На суше — карантин, а на судне воцарилась атмосфера лихого отчаяния и сумасшедшего веселья. Мне пришлось запретить продажу табачных изделий в барах и буфетах, так как строгие предупреждения пожарных матросов действия не имели.

Мы, как могли, старались развеять слухи, что на борту среди пассажиров есть «холерные» и что гибель их неизбежна. Весь этот сплав летнего солнца, морского бриза, пьянящего ветерка, усыпанного звездами ночного неба и полной неизвестности, что там, на берегу в карантинной Одессе, создавал особый пряный аромат любви на борту качающегося на волнах теплохода и у пассажиров, и у музыкантов и артистов, и даже у членов экипажа.

Спустя годы Михаил Жванецкий рассказал на одном из концертов детали тех «холерных» круизов. Был у нас такой Иван Авраменко, администратор пассажирской службы, бывший сотрудник водного отдела милиции, изводящий помполита ежедневными доносами. Миша сумел расположить к себе, разговорить этого «персона-

жа», чтобы потом включить услышанное в свои сатирические рассказы. Окрыленный вниманием собеседника, Авраменко откровенничал, признался даже, что, будучи он руководителем города, то немедленно сбросил бы с пьедестала Дюка и на его место водрузил товарища Сталина!

...В период швартовых операций и маневров Жванецкий любил находиться в рулевой рубке или на крыльях мостика. Стараясь никому не мешать, он занимал позицию, откуда был наилучший обзор. Еще в Институте инженеров морского флота Миша изучал устройство судов, вопросы их непотопимости. И его вопросы в наших беседах были интересны. Скажем, почему капитаны пассажирских судов ЧМП никогда не берут лоцманов для входа и выхода из порта в то время, как руководство других видов судов обязаны их брать. Или почему в прошлый раз я отдал приказ боцману «вытравить» якорную цепь так, чтобы соединительная скоба на звездочке оказалась на третьей смычке, а в этот раз — когда на звездочке брашпиля оказалась четвертая смычка. Миша интересовался инерционными и маневренными свойствами теплохода, от чего зависит тормозной путь, что такое «парусность», как влияет осадка на скорость и маневренность судна.

Миша подолгу стоял на крыле мостика, опираясь на ветроотбойник, и смотрел на плескающиеся о борт волны. Он был бы отличным судоводителем. Но Создатель избрал для него иной путь, не менее, а может, и более ответственный, полный опасностей и невзгод. По своей удивительной способности облекать мысли в формы мо-

нологов, юмористических, сатирических, философских эссе, он не имел равных. Его воздействие на слушателя было беспримерным. Он заставлял зрителей плакать и смеяться, думать и переживать. И божий дар Жванецкого, думаю, в том, что он нес людям слово Правды.

...Помню в деталях последнее выступление Михаила Жванецкого для работников управленческого аппарата ЧМП на пассажирском лайнере «Шота Руставели». Он знал, что заплакать мы ему не сможем: это бы расценивалось как незаконный заработок с наложением штрафа, но без раздумий согласился. В музыкальный салон и вестибюль набились человек 400. Жванецкий выглядел серьезным, настороженным. Во время выступления не заговаривал со зрителями, как делал обычно на своих концертах. Это было особое выступление. Он вышел не развлекать, а говорить то, за что его боялась и ненавидела власть, — всю неприглядную правду о нашей жизни. После выступления в зале наступила мертвая тишина, которая бы секунд через 10-15 обязательно взорвалась бы оглушительными аплодисментами восторга. Но, ни с кем не попрощавшись, Жванецкий быстро вышел из салона, спустился по трапу на причал Морвокзала и ушел. Стало ясно, что в Одессе ему оставаться больше нельзя. Некоторые шепотом говорили, что Миша решил уехать «за бугор». Мы поняли, что Жванецкий прощался с нами, и от этого осознания в горле стоял ком...

Но Миша не собирался покидать родину. Он решил принять неравный бой — и будь что будет! Но задули ветры перемен. Перед Жванецким открылись запертые прежде на засов двери. Он начал выступать на больших сценах, издавать свои произведения. Известный литератор стал кумиром страны, а затем любимцем всей русскоязычной читающей публики во всех странах мира.

К тому времени я, снятый с должности капитана теплохода «Шота Руставели» и уже перенесший первый инфаркт, был капитаном-наставником в управлении морских путей ЧМП (двуглубительный технический флот). Все старания КГБ водного отдела и прокуратуры «пришить» мне дело и накинуть срок, несмотря на упорное, издевательское девяностоедневное следствие, успехом не увенчались — за отсутствием хоть сколь-нибудь достоверного «материала». Я окончательно понял, что в покое меня не оставят, что на подходе — второй инфаркт, и моя участь незавидна. Я обратился к Министру Морского Флота СССР, с которым был знаком лично, и попросил перевести меня в другое пароходство. Он и рассказал, что мне закрыли доступ к заграничному по справке КГБ на заседании ЦК. Вскоре я был переведен в Камчатское морское пароходство и ушел в рейс в должности старпома. Через полгода был назначен капитаном танкера, снабжающего нефтепродуктами все побережье Камчатки. Казалось, что все успокоилось, но тут вокруг меня опять возникло какое-то «броуновское движение». Оказалось, ветер дул из Одессы, в которую, уже триумфатором, вернулся Михаил Жванецкий. Для встречи с Одессой-мамой Мише был предложен самый большой стадион города на 20 тысяч мест. Каждое выступление Жванецкий начинал с монолога «После разлуки», где упоминал меня и мою прежнюю должность. Пять концертов Жванецкого на стадионе при полном аншлаге имели невиданный эффект. Он выдал власти «по полной». А власть, еще плохо представлявшая последствия гласности и перестройки и отвергавшая перемены, не желала понять, что времена причинины подошли к концу.

Этот вой разъяренной одесской власти докатился до Камчатки. Отношение начальства ко мне стало меняться, и не понимая причин, я терялся в догадках. А старая власть, начинающая агонизировать, пыталась загнать народ в старое стойло, вернуть прежний режим и усмирить всех бунтующих.

В то время мы нередко созванивались с Мишей, и нам не приходилось спорить — наши мнения полностью совпадали. СССР распался. На смену дряхлым генсекам пришел энергичный Горбачев, на первый взгляд, толковый и энергичный. Он и изрек забытое слово «гласность», не объяснив, что подразумевает под этим понятием. Из-за его неспособностей решать государственные проблемы стала вылезать наружу зараза межнациональной розни, произошел распад советского союза. И я, имея на

М. Жванецкий. 1971 г.

руках шестилетнюю дочь и двух сыновей, пришел к выводу, что нужно эмигрировать.

А Михаил Жванецкий, принятый литературным миром как маститый писатель, продолжил критиковать порядки, устои и понятия. Всю свою сознательную жизнь он прошел с отцовским портфелем. Этот портфель проделал вместе с Мишиным папой долгий путь врача по пыльным улицам Молдавии, где дома из камня-ракушечника, где коридорами служили открытые всем ветрам веранды, где на кухнях вечно жужжали примусы, где окна и двери квартир были настежь открыты, где соседи знали друг о друге все. Каждое утро хозяйки собирались у водонапорной колонки в центре двора, обсуждая свежие новости и сплетни. Разговоры велись на гремящей одесском диалекте, состоявшем из русского, украинского, идиша, молдавского, польского, немецкого, греческого и других языков. В то время одеситы не испытывали трудностей в подборе слов. Одесса, плавильный котел, в котором перемешаны языки и национальности... Уверен, что Мишин папа, посетив за день с десятком больных и, вернувшись домой, с иронией и юмором рассказывал домашним всякие смешные истории из жизни одесских дворов. А смывшленный Миша впитывал их, как губка, и пересказывал друзьям.

Меня волнует судьба этого старого портфеля, столько повидавшего на своем долгом веку... Великой реликвии, почетное место которой — в Одесском литературном музее.

В последних телефонных беседах Жванецкий выражал беспокойство по поводу опасности реставрации диктатуры власти, и какую цену придется заплатить, чтобы не допустить этого. Теперь сожалеем, что не записывал содержание наших бесед.

После холодной, снежной московской зимы Миша всегда устремлялся в родную Одессу, туда, где ласковый морской бриз, настежь открытые окна, магический восход солнца, медленно выплывающего из-за горизонта, красота темнеющего в сумерках южного неба. Одесса... Вот мы вынужденно покинули любимый солнечный город и развлеклись по континентам. И хотя мы неплохо устроились и неплохо живем, все равно продолжаем жить Одессой Жванецкого, Бабеля, Паустовского, Катаева, Багрицкого... Я бережно храню все присланные мне Михаилом Жванецким книги с его теплыми пожеланиями в мой адрес, подаренные или приобретенные произведения других авторов об Одессе и одесситах. Придет время, и эта маленькая библиотека перейдет к моему сыну Владимиру.

Жванецкий, беспорно, обогатил русскую словесность. Весь русскоязычный мир признал его как истинно Народного артиста и писателя. Недаром он был утвержден «Дежурным по стране». Но назначение этого одесского мальчика с улицы Старо-портфофранковской было в другом: лечить человеческие души от подлости, ненависти, предательства, лицемерия и алчности. Я уверен, что архив Михаила Жванецкого хранит еще много неопубликованных произведений, которые обязательно должны быть изданы, дойти до читателя. А сами рукописи — найти почетное место в Литературном музее Одессы, города, который подарил миру Жванецкого. И который, в свою очередь, подарил миру Одессу.

Фото из личного архива А. Назаренко